

УДК 091.18

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-4

Колесников С. А.

**Университет: от фундамента к руинам... и – обратно?
(К вопросу о соотносительности «университетологии» Гегеля
и «университетомахи» Б. Ридингса)**

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71,
Белгород, 308000, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о перспективах развития университета как интеллектуально-исторической институции в трудах Г.В.Ф. Гегеля и Б. Ридингса. Основным методом данной статьи является сопоставление писем Гегеля «Преподавание философии в университетах» (1816), «Преподавание философии в гимназиях» (1822) и книги Б. Ридингса «Университет в руинах» (1994). Выделено несколько центров, вокруг которых происходит противостояние парадигм Гегеля и Ридингса. Один из основных пунктов дискуссии – насколько университет может быть соотноситель с национальной культурой. Гегель настаивал, что между университетом и национальной культурой существует неразрывная связь. Ридингс утверждал, что в современном университете происходит отрыв от любых форм национальной культуры. Особое напряжение между текстами Гегеля и Ридингса возникает в определении степени авторитетности и легитимности университетского образования. Гегель настаивал, что изначальная авторитетность университета формируется из доверия к университетскому знанию. Ридингс считает, что современный университет утратил гносеологическую легитимность. В аспекте результативности университета Гегель настаивал, что главным результатом является «производство» прекрасного. Основным результатом для Ридингса является стремление университета к «совершенству», понимаемому в контексте глобализма и рыночного уклада экономики. Эквивалентом центра университета сегодня, по мнению Ридингса, является не профессор, а администратор. Центрирование на администраторе выводит к проблеме, которая была неизвестна Гегелю: квалиметрия университетской деятельности, возникновение «новой логики “учета”», роль цифровизации в университетском образовании. Эта тема напрямую связана с вопросами утилитарности и коммерциализации университета, которые остро поднимаются Ридингсом. Также разные позиции Гегель и Ридингс занимают в вопросе о специфике времени и пространства университетского мира. Несопоставимые разногласия наблюдаются в оценках субъекта образования, в понимании роли и идеала университетского студента. В заключение приводятся размышления о возможных перспективах развития современного университетского образования.

Ключевые слова: Б. Ридингс; Г.В.Ф. Гегель; современное университетское образование; «университет в руинах»; университет и национальная культура; перспективы университета

Для цитирования: Колесников С. А. Университет: от фундамента к руинам... и – обратно? (К вопросу о соотносительности «университетологии» Гегеля и «университетомахи» Б. Ридингса) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 22-30. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-4

S. A. Kolesnikov

**University: from its foundation to the ruins... And back?
(The question of correlation of Hegel's "university-logia"
and B. Readings' "university-machia")**

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky St., Belgorod,
308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract: The article deals with the issue of prospects for the development of the University in the works of G.V.F. Hegel and B. Readings. The main method of creating the article is to compare the following works: Hegel's letters "Teaching philosophy in universities" (1816); "Teaching philosophy in high schools" (1822) and the book by B. Readings "University in ruins" (1994). There are several centers around which the Hegel and Readings paradigms converge or stand in opposition, within which the state of University education is analyzed. One of the main points of discussion is the attitude of the University to the national culture, as far as the University can be correlated with the national culture. Hegel insisted that there is an indissoluble link between the University and the national culture. Readings argued the opposite, stating that in the modern University there is a separation from any form of national culture. A particular tension between the texts of Hegel and Readings arises in determining the degree of authority and legitimacy of University education. Hegel insisted that the original authority of a University is formed from trust and maintaining authority in the acquisition of University knowledge. Readings believes that the modern University has lost its epistemological legitimacy. One of the most important themes of the University's mission comes up in the subject of University performance. Hegel insisted that the main result of the University is the "production" of the beautiful. The main result for Readings is the University's desire for "excellence", understood in the context of globalism and the market economy. The equivalent of a University center today, according to Readings, is not a Professor, but an administrator. Focusing on the administrator leads to a problem that was unknown to Hegel: the qualimetry of University activities, the emergence of a "new logic" of accounting, and the role of digitization of University education. This topic is directly related to the issue of utilitarianism and commercialization of the University, which is acutely raised by Readings. Hegel and Readings also take different positions on the specifics of time and space in the University world. Disparate differences are observed in the assessments of the subject of education, in the understanding of the role and ideal of the University student. In conclusion, the results of possible prospects for the development of modern University education are summarized.

Key words: B. Readings; G.V.F. Hegel; modern University education; "University in ruins"; University and national culture; University prospects

For citation: Kolesnikov S. A. (2020), "University: from its foundation to the ruins... and back? (The question of correlation of Hegel's "university-logia" and B. Readings' "university-machia")", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (4), 22-30, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-4

Возможность соположения 250-летия Г.В.Ф. Гегеля (родился в 1770 г.) и университетского образования обусловлена тем, что российский университет, созданный в 1755 г., практически ровесник Гегеля, а потому эти культурные события могут и, вероятно, должны быть сопоставлены.

Методологическим основанием данного текста является сопоставление нескольких работ: писем Гегеля «Преподавание философии в университетах» (1816); «Преподавание философии в гимназиях» (1822) и книги Б. Ридингса «Университет в руинах» (1994). Дистанция более чем в полтора столетия позволяет увидеть те глобальные изменения, которые произошли в интеллектуально-исторической институции, обозначенной как «Университет». Эти тексты оказались, на наш взгляд, настолько соположены, синхронизированы в своей гносеологической асинхронности, что возникает непреодолимое желание попытаться проанализировать их в философско-культурологической сопрягаемости. По мере погружения в проблематику возникает ощущение, что Б. Ридингс словно держал перед собой письма Гегеля и по пунктам с ним беседовал, хотя при этом имя Гегеля на протяжении трехсот страниц встречается у Ридингса только один раз. Но тем интереснее проследить эту потаенно-эффектную дискуссию, раскрывающую произошедшие в течение двух веков кардинальные изменения в понимании и перспективах университетского образования.

Можно выделить несколько центров, вокруг которых происходит сопряжение, или противостояние, парадигм Гегеля и Ридингса, в рамках которых анализируется состояние университетского образования. При этом необходимо учитывать и контекстный и затекстовый фон, в первую очередь, представленный в проекте национального университета Гумбольдта, который описывал Университет как единство процесса и продукта, как институт, производящий знания о культуре (в ходе исследования) и распространяющий культуру посредством обучения. Именно вокруг

связи университета с национальной культурой или разрыва с этой культурой и выстраиваются самые напряженные линии дискуссии.

Ключевой и провокационный тезис Ридингса: «Культура больше не является паролем к Университету. Университет перестал быть гумбольдтовским, а это значит – перестал быть *собственно* Университетом» (Ридингс, 2010: 93). И далее этот тезис только углубляется: «Университет больше не должен охранять и распространять национальную культуру, поскольку национальное государство отныне не является основным местом воспроизводства капитала» (Ридингс, 2010: 27). Одну из причин денационализованности университета Ридингс обозначает как американизацию: «Американизацией теперь следует называть не столько практику национального империализма, сколько повсеместное навязывание правила денежных отношений вместо идеи национальной идентичности в качестве детерминанты всех аспектов инвестирования в общественную жизнь. Иными словами, американизация означает конец национальной культуры <...> изменение роли Университета обусловлено прежде всего крахом национально-культурной миссии» (Ридингс, 2010: 11). Собственно, заявлен крах университета как ресурса национальной культуры, причем Ридингс настаивает, что «сегодня бессмысленно искать предназначение Университета в способности воплощать сущность национального государства или его народа» (Ридингс, 2010: 86).

Таким образом, вырисовывается следующее противостояние: с одной стороны, Гегель/Гумбольдт, представляющие университет как потенциал национальной культуры, с другой – условный Ридингс (и затаенно-условный Сорос) с контрнациональным видением Университета.

Линия этого фронта маркируется следующими областями.

Особое напряжение возникает в определении степени авторитетности и легитимности университетского образова-

ния. Гегель настаивал, что изначальная авторитетность университета формируется из «заранее составленного мнения об авторитете и важности наук», в результате чего «возникает непринужденность и полное доверие» (Гегель, 1972: 420). Категория доверия – важный сигнал, появившийся у Гегеля задолго до Фукуямы с его концептом доверия как глобально-экономического ресурса. В ответ на тезис о легитимизации университета Ридингс фиксирует общую ситуацию делегитимности: «...внутренняя борьба за легитимацию, связанная с характером производимого в гуманитарных науках знания, не достигла бы масштабов кризиса, если бы не сопровождалась внешним кризисом легитимации» (Ридингс, 2010: 10), отмечает проблематичность самого понятия исследовательского проекта и делает вывод о том, что «понятие культуры как легитимирующей идеи Университета эпохи модерна исчерпало себя» (Ридингс, 2010: 15).

Отсюда становится возможным выход на следующий плацдарм – конкретику университетской структуры. Появляется понятие центра университета. И если Гегель настаивал на реализации новой идеи университета, состоявшей в «упорядочении широкого круга предметов, относящихся к философии, когда философия стала бы целым, организующим все отдельные части» (Гегель, 1972: 420), центрируя университет на философии, то Ридингс констатирует следующую ситуацию: «Больше уже не понятно, ни каково место Университета в обществе, ни какова истинная природа данного общества» (Ридингс, 2010: 11). В современных российских реалиях вопрос центрирования университета на философии выглядит следующим образом: беглый мониторинг показывает, что только в шести из более чем семисот вузов России философские факультеты остались при своих первоначальных названиях: МГУ, РГГУ, ГАУГН (Москва), ТГУ (Томск), ОГУ (Орел), СГУ (Саратов). Все остальные вузы демонстрируют отказ от философичности как центра

университета и даже в названии факультетов фиксируют концептуальную децентрированность университетского образования.

Эквивалентом центра университета сегодня Ридингс называет администратора и констатирует далее «утрату традиционными гуманитарными дисциплинами центрального места в жизни Университета» (Ридингс, 2010: 12). Тема университетских администраторов как парафразной деятельности по отношению к университетской науке, по замечанию Ж. Барзуна, становится все более явной: «Приступив к работе в университете в юном возрасте, эти мужи [*sic*] могут стать государственными служащими высшего ранга и снискать признание в качестве профессионалов, не занимаясь наукой» (Ридингс, 2010: 20; вставка автора. – С. К.). И в результате происходит диффузия администрирования во все университетские структуры: «преподавание – это администрирование студентов профессорами, исследование – это администрирование профессоров коллегами, а администрация – это страта бюрократов, администрирующих сразу всех» (Ридингс, 2010: 199).

Центрирование административности выводит к проблеме, которая была неизвестна Гегелю: квалиметрии университетской деятельности, возникновению «новой логики “учета”», роли цифровизации в университетском образовании. Напрямую эта проблематика связана с вопросом утилитарности и коммерциализации университета, причем этот аспект уже представлен в размышлениях Гегеля, который в качестве негативного примера приводит Фридриха Шлегеля, сумевшего запустить своеобразный «бизнес-проект», прочитав оплаченный полугодовой курс по трансцендентальной философии в Иене за шесть недель. У Ридингса утилитарность университета приобретает четкую конкретику, выраженную, в частности, перспективами организации труда преподавателей университета, когда «штатные сотрудники будут все больше вытесняться почасовиками (многие из которых имеют доктор-

ские степени)» (Ридингс, 2010: 10). Ситуация очень знакомая современному российскому университету.

Бюрократизация университета приобретает все больший размах: «Университет становится транснациональной бюрократической корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления» (Ридингс, 2010: 11). И выводом становится все тот же рост денационализации университета: «Экономика глобализации предполагает, что от Университета теперь не требуется готовить граждан-субъектов, Университету больше не нужно поддерживать национальный престиж, создавая и легитимируя национальную культуру. Таким образом, Университет аналогичен ряду других институтов – например, национальным авиаперевозчикам» (Ридингс, 2010: 30) (промыслительно-фатальный вывод, если вспомнить, что Ридингс погиб именно в авиакатастрофе).

В тематике результативности университета всплывает одна из важнейших тем предназначения университета. Гегель настаивал на том, что главным результатом университета является «производство» прекрасного, а критика, скепсис ни к чему не приводят, кроме «наводящих скуку отрицательных результатов» (Гегель, 1972: 421). У Ридингса совершенно иное видение результативности университета. Он формулирует приоритетный результат университета как совершенство (внешне близкая дефиниция к прекрасному – но в корне отличающаяся от прекрасного по своим результатам). «В Университете Совершенства, – пишет Ридингс, – знание растворяется, вместо него целью становится способность обрабатывать информацию» (Ридингс, 2010: 139), ту самую информацию, чья совершенность определяет рыночную стоимость результативности университетской деятельности. Совершенство, представленное в рыночном обличье, становится антагонистом знания о прекрасном. Ридингс в целом критично оценивает такое совершенство, называя его «призраком», но признает, что в современном универси-

тете произошло «замещение прежних апелляций к идее культуры дискурсом “совершенства”, выступающим тем языком, с помощью которого Университет пытается объяснить себя самому себе и миру в целом» (Ридингс, 2010: 27). Переформатирование прекрасного в совершенное в полной мере отражает категориальный металепис, приведший к распылению университетско-прекрасного в репутационных коэффициентах, рейтингах, квалитметрических расчетах и прочем. Тем самым пространство университета оказывается переосмыслено в категориях пластичного совершенства, которое в своей пластичности аннигилирует прекрасное как университетский результат.

Пространственное противостояние перетекает в не менее жесткое противостояние в вопросе о времени университета, в понимании специфики университетской темпоральности. Гегель настаивал на тесной исторической взаимосвязи прошлого и настоящего науки, синтезированных в университетской темпоральности, отмечая, что хотя к «прежним ее наукам нет возврата, но массу понятий и содержание, которые они в себе заключали, нельзя также просто игнорировать. Новая форма идеи требует своего права, и старый материал поэтому нужно преобразовать в соответствии с теперешней точкой зрения» (Гегель, 1972: 421). Университет Гегеля-Гумбольдта обладал свойством сверхвременности, сквозь-временности со всеми положительными и спорными моментами подобной темпоральности. Ридингс же видит университет вне истории, «мы больше не способны постичь Университет – говорит он, – в историческом горизонте его самореализации. Университет, как я покажу, больше не участвует в историческом проекте человечества <...> Я бы предпочел называть современный Университет постисторическим (Ридингс, 2010: 16). Университет выпал из истории, стал «добычей консультантов по организации времени и передвижений» (Ридингс, 2010: 111). То, что предстает временем университета, –

время искаженное, кривое время, время, утратившее свою трансцендентальную реферативность.

И конечно, особое поле напряжения возникает в ключевом аспекте университетской деятельности – субъекте образования, в вопросе о том, каким быть или не быть студенту университета. Категорическое заявление Ридингса: «Студент уже не является будущим национальным субъектом» (Ридингс, 2010: 82) показывает непреодолимый разрыв с позицией Гегеля, который предлагал развернутый перечень параметров университетского студента. Прежде всего, это связь студента с конкретным предметом, профессиональная специализация, а не «всезнающий» менеджмент, для которого «не важен материал» (Гегель, 1972: 422), а вся университетская подготовка сводится к наработке умения обрабатывать информацию в ущерб методическому освоению знания. Ностальгия по «классическому» студенту сквозит и у Ридингса, сетующего о том, что «автономия знания как самоцели находится под угрозой, поскольку больше не существует субъекта, способного воплотить данный принцип» (Ридингс, 2010: 18). Отсутствие профессиональной специализации университетского образования как методики работы над знанием характерно отражается в вопрошании: хотят ли сегодняшние студенты быть похожими на сегодняшних профессоров, актуализирована ли потребность в профессиональном освоении знания в рамках модели классического университета?

Из подобного вопрошания вытекает следующий параметр субъекта образования, крайне важный для Гегеля – формы и интенции самопознания студента. Гегель считал, что одним из направлений университетского образования является последовательное расширение представлений студента «об ощущениях органов чувств, о воображении, памяти и других свойствах души» (Гегель, 1972: 570). Осознание глубины своего внутреннего мира, расширение границ этого мира как студенческая

задача определяла в целом миссию университета, а исчезновение или секуляризация внутреннего мира души (когда мы в последний раз употребляли словосочетание «душа студента»?) приводит, что и констатируется Ридингсом, к тому, что «никто из нас не может всерьез представить себя героем повести об Университете, примером образованного индивида, над производством которого день и ночь трудится вся эта гигантская машина» (Ридингс, 2010: 22). Субъект университета растворился в тотальной иронии и скепсисе, а потому «никто из нас сегодня не считает себя всерьез субъектом, занимающим центральное положение в нарративе университетского образования» (Ридингс, 2010: 23). Это и есть смерть субъекта образования в череде смертей – Бога, автора, истории и так далее по постмодернистскому списку.

Смерть субъекта образования как финальная фаза университетской энтропии преодолеваема для Гегеля в упорядочивании знания, в метафизическом структурировании мышления, при котором «с устранением спекулятивного значения и изложения преподавание могло бы распространяться на учение о понятии, суждении и умозаключении и их видах, затем на учение об определении, подразделении, доказательстве и научном методе» (Гегель, 1972: 571), тем самым концепция освоения знания определяется в соответствии с принципом философского осмысления мира. Но, как мы уже видели, философичность в современном университете выдвигается в лучшем случае на периферию университетского образования, и эту ситуацию фиксирует Ридингс, говоря о «кардинальном изменении способа мышления, имеющем драматические последствия для Университета... при котором философская культура дереференциализируется и перестает быть принципом обучения в Университете» (Ридингс, 2010: 35). И если в классическом национальном университете «разум имеет собственный факультет, который Кант называет философским, то сего-

дня мы скорее назвали бы его просто факультетом гуманитарных наук» (Ридингс, 2010: 31). Разум в университете потерял свою институцию, философичность распалась в гуманитарность, что и нашло отражение в следующем параметре субъекта образования – в целостности мышления студента.

Мозаичность и разорванность мышления вызывали критику у Гегеля, негативно описывающего ситуацию, при которой «у каждого была своя собственная система и что выдумка считается тем оригинальнее и замечательнее, чем более она безвкусна и безумна, потому что именно этим она в большинстве случаев доказывает своеобразие и отличие от мыслей других людей» (Гегель, 1972: 422). Но в интерпретации Ридингса именно различия – гендерные, расовые, феминистские, постколониальные и прочие – определяют сегодня субъекта университетского образования, разрывают целостность его идентичности. Именно в этих различиях и таятся причины университетомании Ридингса: «культурные войны ведутся между теми, кто обладает культурной властью, но боится, что она больше не имеет никакого значения, и теми, кто, будучи отлученным от культурной власти, верит, что она приобрела бы значение, если бы они ее получили» (Ридингс, 2010: 184). Война входит в университет, а университет становится войной всех против всех.

И последний фактор субъекта образования, характерный для Гегеля: интеллектуальная элитарность студента, ведь «всегда остается открытым вопрос, застрянут ли некоторые на предшествующей ступени и не станут ли они философами хотя бы как это имеет место у некоторых, по той причине, что они ничего путного вообще не выучили» (Гегель, 1972: 422). Гегелевский университет – это не разгул демократии, он сверхдемократичен, он призван формировать интеллектуальную аристократию. Университет в описаниях Ридингса формирует потребителя, а не интеллектуала: «...студенты нередко воспри-

нимают себя и (или) своих родителей потребителями, – это далеко не заблуждение, поскольку современный Университет все больше превращается из идеологического орудия государства в бюрократически организованную и относительно автономную потребительно ориентированную корпорацию» (Ридингс, 2010: 25). Знаменитая фраза одного из руководителей высшего образования в России – «взрастить квалифицированного потребителя» – восходит к тезису ректора Университета Огайо Э. Гордону Джи, произнесенному в начале 1990-х гг. и позиционирующему университет как элемент парадигмы потребительства (истоки этого тезиса можно увидеть еще у Ортеги-и-Гассета в трактате «Миссия университета» в призыве к университетскому образованию «готовить среднего студента»).

Все выше обозначенные моменты противостояния моделей университета Гегеля и Ридингса сходятся в проблеме духовности университетского образования. Гегель обозначает «состояние духовного подъема» (Гегель, 1972: 423), присущего университетскому образованию, и четко определяет ключевое место теологичности в образовательной системе: «Преподавание не сможет само по себе обойти связь учения о Боге с мыслями о конечности и случайности вещей в мире, об их целесообразных отношениях и т. д., а для непредвзятого человеческого ума такая связь будет во все времена убедительной, какие бы возражения против этого ни приводила критическая философия» (Гегель, 1972: 573). Фундаментом университета для Гегеля являлась метафизическая религиозность и национальная культура (Гегель, 1972: 419), в то время как Ридингс принципиально призывает «отделить статус университетских руин от метафизической традиции, стремящейся вновь придать руинам целостность (практически или эстетически)» (Ридингс, 2010: 39). Надо обратить внимание на отмеченную Ридингсом связь между метафизичностью университета и его целостностью, именно метафи-

зичность университетской концепции определяет целеполагание и смысл, *raison detre* университета.

Ридингс демонстрирует – намеренное или ненамеренное – искаженно-утилитарное представление о роли теологии в университете: «теология учит людей тому, как спастись, не будучи праведным» (Ридингс, 2010: 95), при этом опираясь, видимо, на свой собственный опыт утраты веры в Церковь: «Если мы не хотим, чтобы профессор оказался в положении, аналогичном положению теряющих власть священников, сталкивающихся, с одной стороны, с неверием, а с другой – с телевизионным проповедничеством, то мы должны уяснить свою связь с данным институтом и, равным образом, отказаться играть роль священнослужителей» (Ридингс, 2010: 276). В дерелигиозном направлении он предлагает идти и студентам, апеллируя к опыту университетских волнений во Франции 1968 г.: «Студенты 1968 г. представили себе Университет без искупления. Такое видение Университета предполагает, что студенты – не просто будущие интеллектуалы или профессиональные управленцы. Скорее Университет предполагает время педагогики: мышление или исследование без субъекта, отрицающее метанарратив искупления» (Ридингс, 2010: 228). В целом, давая духовно-религиозную характеристику Университету, он констатирует: «Сегодняшний Университет – это институт, теряющий потребность в трансцендентальном обосновании своей функции» (Ридингс, 2010: 265). Утрата религиозных смыслов университетом и есть важнейшая причина его руинизации.

К выводам – если они в принципе возможны. Сопоставление текстов Гегеля и Ридингса позволяет увидеть те изменения, которые претерпел университет за последние полтора столетия. Да, к сожалению, современный университет в руинах, но рекомендация Ридингса о переживании в руинах («Университет не становится центральным местом исследования культурных ценностей, а превращается в одно

из множества мест, в которых предпринимаются попытки высказывания суждений, остающихся вопрошающе открытыми» (Ридингс, 2010: 191)) вряд ли достаточно валидны. Представляется, что перспективной развития университета могло бы стать возвращение в университетский мир идеи справедливости в ее религиозно-метафизическом понимании или, по крайней мере, возвращение в ту точку, с которой и началась руинизация университета, в точку отказа от духовного смысла справедливости в пользу рентабельности и утилитарного совершенства. И это не оплакивание исчезнувшей ауры национального университета, а преобразование опыта руинизации с верой в благое и справедливое грядущее. Потому что иначе, продолжая руинизировать университет, мы выйдем в чистое поле неоварваризма (Ридингс выдвигает многозначный тезис: «способность университетской структуры адаптироваться к нацизму должна навести нас на размышления» (Ридингс, 2010: 133)) – со всеми плюсами и минусами ожидающих нас перемен.

Литература

Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 668 с.

Ридингс, Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. Корбута. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

References

Hegel, G. V. F. (1972), *Raboty raznykh let. Tom 1* [Works of different years. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Readings, B. (2010), *Universitet v ruinakh* [The University in ruins], Translated by Korbut, Izdatelskii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, проректор Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; *Skolesnikov2015@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Vice-rector of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation), Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *Skolesnikov2015@yandex.ru*